Коллизии между исполнительным производством и процедурами банкротства физического лица

Киселёв Владислав Вячеславович
аспирант, Московский университет имени С.Ю. Витте, vladislavkiselev2797@gmail.com

В статье взаимодействия норм банкротного и исполнительного законодательства рассматривается через механизм обращения взыскания на имущество должника. Анализ сосредоточен на ситуациях, при которых индивидуальное принудительное взыскание продолжается после введения процедуры реализации имущества, что приводит к перераспределению активов вне установленной очередности. Автор отмечает момент перехода к конкурсной процедуре, определяющий предел допустимости исполнительных действий и последующую судьбу удержанных средств, арестованного имущества и предъявленных требований. В статье делается акцент на изменении функционального назначения исполнительного документа: он утрачивает значение самостоятельного основания для обращения взыскания и используется как средство фиксации требования при его включении в совокупность требований кредиторов. Рассматриваются последствия несинхронности действий участников процедур. Предлагаемое уточнение регулирования связано с закреплением прямого эффекта введения процедуры банкротства для исполнительного производства и дифференциацией требований в зависимости от их правовой природы. Обосновывается необходимость согласования действий участников и внедрения механизмов автоматизированного информационного обмена, позволяющих прекратить индивидуальное взыскание по требованиям, подлежащим включению в конкурсную массу, при сохранении исполнения по текущим обязательствам.

Ключевые слова: исполнительное производство, банкротство граждан, конкурсная масса, требования кредиторов, обращение взыскания, финансовый управляющий.

Введение

Взаимодействие исполнительного производства и процедур банкротства граждан позволяет обнаружить противоречия, которые обусловлены различием исходных принципов организации этих правовых механизмов. Правовое регулирование взаимодействия исполнительного производства и процедур банкротства граждан формируется на стыке двух нормативных массивов — законодательства о принудительном исполнении судебных актов и законодательства о несостоятельности. Основные положения, определяющие правовой режим обращения взыскания на имущество должника, закреплены в Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в то время как Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает специальный порядок удовлетворения требований кредиторов в отношении гражданина, признанного банкротом. И. В. Фролов связывает напряжение между исполнительным производством и процедурами банкротства с различием моделей имущественного иммунитета, указывая, что переход к конкурсной конструкции предполагает перераспределение ограничений обращения взыскания и отказ от приоритета отдельного взыскателя в пользу совокупности кредиторов; сходную линию проводит Д. И. Хабибулина, рассматривая имущественные иммунитеты как элемент, по-разному встроенный в индивидуальное и коллективное взыскание [1; 3].

Введение процедур банкротства, в частности процедуры реализации имущества гражданина, сопровождается формированием конкурсной массы и переходом к коллективному механизму удовлетворения требований кредиторов (ст. 213.25, 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Так, исполнительные документы подлежат передаче финансовому управляющему, а дальнейшие расчеты с кредиторами осуществляются в рамках конкурсной массы.

Исполнительное производство формировалось как средство индивидуального принудительного взыскания. Его конструкция ориентирована на реализацию права конкретного кредитора, предъявившего исполнительный документ. Судебный пристав обращает взыскание на имущество должника, производит удержания из доходов, организует реализацию активов. Кредитор, который раньше инициировал процедуру взыскания, получает возможность фактически реализовать свое требование быстрее других взыскателей. Как отмечает В. П. Скобелев, проблематика обеспечительных мер в исполнительном производстве проявляется прежде всего в их инерционности, когда наложенные ограничения продолжают действовать вне зависимости от изменения правового режима исполнения, что усиливает эффект наложения процедур [2]. В этом аспекте Ю. В. Григоренко и В. Г. Гриб обращают внимание на стадию реализации арестованного имущества, где различие процедурных алгоритмов приводит к ситуации конкурирующих форм продажи одного и того же актива [4].

Процедуры банкротства граждан используют иную правовую логику.

С момента возбуждения дела о несостоятельности имущественные требования кредиторов объединяются в единую систему. Имущество должника образует конкурсную массу, а удовлетворение требований осуществля-

ется в рамках установленной законом очередности. Финансовый управляющий аккумулирует активы должника и организует их распределение между кредиторами. В результате индивидуальное взыскание уступает место коллективному механизму удовлетворения требований.

Таким образом, в правовой системе сосуществуют две модели обращения взыскания на имущество должника. Исполнительное производство допускает преимущество одного взыскателя перед другими, тогда как процедуры банкротства ориентированы на равное распределение имущественной массы между кредиторами. Это различие становится источником коллизий при одновременном применении указанных механизмов.

Конкуренция исполнительного производства и процедур банкротства граждан: природа и типология правовых коллизий

Кредитор предъявляет исполнительный документ судебному приставу и инициирует обращение взыскания на имущество должника. Одновременно сам должник или иной кредитор обращается в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом. В результате имущественная сфера должника оказывается вовлеченной в два различных правовых режима. Каждый из них предполагает собственный порядок обращения взыскания на имущество и собственные правила распределения полученных средств.

Первая группа коллизий возникает на стадии возбуждения дела о банкротстве. Закон связывает введение процедуры реализации имущества гражданина с прекращением индивидуального взыскания. Исполнительные документы подлежат передаче финансовому управляющему, а дальнейшее удовлетворение требований должно происходить в рамках дела о банкротстве. Однако в действительности между вынесением судебного акта о введении процедуры и прекращением исполнительных действий образуется временной промежуток. В этот период удержания из доходов должника продолжаются, аресты имущества сохраняются, а исполнительные производства формально остаются действующими.

Вторая группа коллизий связана с обращением взыскания на имущество должника. В исполнительном производстве судебный пристав вправе арестовать имущество, подготовить его к реализации и передать на торги. Введение процедуры банкротства меняет правовой режим активов должника. Имущество должно быть включено в конкурсную массу и реализовано финансовым управляющим. В практической ситуации нередко обнаруживается, что имущество уже арестовано в исполнительном производстве либо выставлено на торги. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе такого имущества и о том, какая процедура должна завершить его реализацию.

Третья группа коллизий проявляется при обращении взыскания на доходы гражданина. Исполнительное производство допускает регулярные удержания из заработной платы и иных доходов должника. После введения процедуры банкротства доходы начинают рассматриваться как источник формирования конкурсной массы. В действительности удержания по исполнительным документам могут продолжаться, тогда как финансовый управляющий одновременно формирует выплаты кредиторам в рамках процедуры банкротства.

Судебный пристав перечисляет взысканные суммы конкретному кредитору. Процедура банкротства предполагает включение поступающих средств в конкурсную массу и их последующее распределение между всеми кредиторами. Если удержание денежных средств произошло незадолго до введения процедуры банкротства, возникает вопрос о правовом режиме этих средств и о том, в чью пользу они подлежат перечислению.

Освобождение гражданина от обязательств означает прекращение дальнейшего взыскания по требованиям кредиторов. Исполнительные производства, возбужденные ранее, продолжают существовать в информационных системах органов принудительного исполнения. В таких ситуациях требуется решение вопроса о правовой судьбе соответствующих производств и о возможности продолжения исполнительных действий.

Рассматриваемые коллизии проявляются на различных стадиях обращения взыскания на имущество должника. Одни возникают в момент перехода от индивидуального взыскания к процедуре банкротства. Другие связаны с различием правовых режимов распоряжения имуществом и доходами гражданина. Третьи проявляются при распределении денежных средств и завершении процедуры банкротства. Совокупность этих ситуаций позволяет говорить о системной конкуренции двух правовых механизмов, каждый из которых построен на собственной модели удовлетворения требований кредиторов.

Механизмы разрешения коллизий между исполнительным производством и банкротством граждан

Коллизии, возникающие при наложении исполнительного производства на процедуру банкротства гражданина, обнаруживают себя не в виде отдельных несогласованностей норм, а через расхождение в способе организации обращения взыскания. В одном случае требование реализуется как индивидуальное притязание, в другом — включается в совокупность требований, подлежащих соразмерному удовлетворению. Переход от одной модели к другой фиксируется юридическим фактом введения процедуры реализации имущества, однако последствия этого перехода разворачиваются не одномоментно. О. Н. Бармина и Е. С. Кощеева фиксируют, что реализация имущества в делах о банкротстве граждан сталкивается с искажением последовательности удовлетворения требований, если активы уже вовлечены в исполнительное производство [6], тогда как К. И. Гурылева показывает, что сама процедура торгов в банкротстве допускает поведенческие стратегии участников, способные повлиять на распределение имущественной массы и усилить дисбаланс между кредиторами [7].

В действующем регулировании такой переход описан через приоритет конкурсной процедуры: после введения реализации имущества дальнейшее удовлетворение требований допускается исключительно в рамках дела о банкротстве (п. 28 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45). Формула задаёт направление, но не устраняет расхождения между юридическим режимом и фактическими действиями субъектов. Исполнительное производство прекращается не в силу самого судебного акта, а после того, как информация о нём достигает судебного пристава и получает процессуальное оформление. И. В. Фролов, анализируя конфликт интересов в делах о банкротстве, связывает его возникновение с перераспределением контроля над активами должника, где смена субъекта распоряжения имуществом трансформирует структуру приоритетов и выявляет несоответствие между логикой исполнительного производства и конкурсной процедуры [8].

Именно в этом разрыве формируется ситуация одновременного применения двух режимов. Исполнительные действия продолжают совершаться на основании ранее выданного исполнительного документа, тогда как материально-правовой режим уже изменён. Судебная практика исходит из того, что приоритет принадлежит именно дате введения процедуры, а не моменту совершения приставом соответствующих действий. Так, в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017) указано, что

удержанные после введения процедуры суммы не подлежат сохранению за отдельным взыскателем и включаются в конкурсную массу (раздел «Банкротство граждан», п. 5).

В этом аспекте так называемая «трансформация» исполнительного документа не связана с изменением его содержания или внесением формальных поправок в законодательство об исполнительном производстве. Речь идёт о смене его функции. Исполнительный документ перестаёт служить основанием для индивидуального обращения взыскания и начинает выполнять роль доказательства существования требования, подлежащего учёту в деле о банкротстве. Такая трансформация носит функциональный характер и реализуется через прекращение исполнительных действий и последующее предъявление требования в реестр. Для её устойчивого воспроизведения требуется нормативное закрепление обязанности судебного пристава направлять исполнительный документ финансовому управляющему с одновременным уведомлением взыскателя о необходимости заявления требования в рамках процедуры несостоятельности.

Иное решение приводит к разрыву между двумя процедурами, что уже получило оценку в практике. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) подчёркнуто, что взыскатель, передавший исполнительный документ в службу судебных приставов, вправе рассчитывать на индивидуальное извещение о невозможности продолжения исполнения; обязанность самостоятельного отслеживания сведений о банкротстве признана чрезмерной (п. 21; со ссылкой на чч. 4, 5 ст. 69.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и п. 15 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59). Тем самым связывается прекращение исполнительного производства с обязанностью обеспечить переход требования в процедуру банкротства.

Распределение полномочий между судебным приставом и финансовым управляющим при этом приобретает более определённые очертания. Передача исполнительного документа означает не механическое перемещение процессуального акта, а прекращение полномочий по индивидуальному взысканию и их замещение функцией формирования конкурсной массы. Соответственно, любые удержания из доходов должника после введения процедуры утрачивают правовое основание, поскольку нарушают установленную очередность удовлетворения требований. В Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2020 № 305-ЭС19-20531 по делу № А40-187400/2017 указано, что такие удержания создают преимущество отдельного кредитора и подлежат устранению путём возврата средств в конкурсную массу (абз. 3 мотивировочной части).

Разграничение денежных средств, полученных в исполнительном производстве, проводится по моменту завершённости исполнительного действия. Суммы, перечисленные взыскателю до введения процедуры, сохраняют правовое значение как результат завершённого взыскания. Иная оценка даётся средствам, удержанным, но не распределённым к указанной дате: они подлежат включению в конкурсную массу и последующему распределению между кредиторами. Е. Ф. Цокур и А. С. Руденко рассматривают реструктуризацию долга как механизм, призванный стабилизировать положение должника, однако его эффективность снижается при сохранении параллельного индивидуального взыскания, поскольку формирование платежной модели происходит без учета уже осуществляемых удержаний [5]. В этой связи В. М. Шеншин, Д. С. Зудин и Ю. Ю. Тиханова указывают на фрагментарность развития института банкротства, при которой отдельные элементы процедуры функционируют без должной координации с иными механизмами обращения взыскания [9].

Институциональный аспект коллизии проявляется в отсутствии синхронного обмена сведениями между ФССП России и ЕФРСБ. Публикация информации о введении процедуры не обеспечивает её автоматического учёта в системе исполнительного производства. В результате прекращение исполнительных действий зависит от фактора осведомлённости конкретного судебного пристава. С учётом подхода, выраженного Верховным Судом, такая зависимость затрагивает права кредитора и не может рассматриваться как допустимая.

Техническое решение этой проблемы предполагает интеграцию указанных информационных систем с установлением обязанности автоматической передачи сведений о введении процедуры реализации имущества. Получение такого уведомления должно влечь приостановление исполнительных действий по требованиям, подлежащим включению в реестр, с одновременным формированием уведомления взыскателю. Исполнение по текущим обязательствам при этом сохраняется, что соответствует их правовой природе и исключает блокирование текущих платежей.

Реализация данного механизма требует согласованного изменения Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». В частности, положения о последствиях введения процедуры реализации имущества должны быть дополнены указанием на прямой правовой эффект в отношении исполнительных производств по реестровым требованиям, тогда как нормы об исполнительном производстве — закреплением обязанности их приостановления при получении соответствующей информации с одновременным уведомлением взыскателя и передачей исполнительного документа финансовому управляющему.

Заключение

Пересечение исполнительного производства с процедурой реализации имущества выявляет не единичные пробелы регулирования, а несовпадение способов перераспределения имущественной массы. Введение процедуры банкротства изменяет правовой режим требований, однако это изменение не воспроизводится синхронно в механизме принудительного исполнения. В результате исполнительный документ продолжает функционировать как основание индивидуального взыскания в тот период, когда соответствующее требование уже должно быть включено в систему конкурсного распределения.

Отдельные коллизионные ситуации — продолжение удержаний, незавершённая реализация имущества, распределение уже взысканных средств — разрешаются через этот же критерий. Средства, удержанные после введения процедуры, подлежат возврату в конкурсную массу; исполнительный документ утрачивает функцию инструмента принуждения и используется как подтверждение требования при его предъявлении в деле о банкротстве. Тем самым речь идёт не о последовательной смене процедур, а о смене режима обращения взыскания, при которой полномочия судебного пристава прекращаются, а их место занимает деятельность финансового управляющего.

Вместе с тем выявляется зависимость правового результата от фактора осведомлённости участников. Прекращение исполнительного производства должно сопровождаться индивидуальным извещением взыскателя, поскольку иное лишает его возможности своевременно заявить требование в реестр. В этих условиях уточнение правового регулирования связано с обеспечением его реализации. Это предполагает установление прямого правового эффекта введения процедуры в отношении исполнительных производств по требованиям, подлежащим

включению в реестр, а также закрепление обязанности судебного пристава прекращать соответствующие исполнительные действия с передачей исполнительного документа финансовому управляющему и одновременным уведомлением взыскателя. Реализация такого механизма требует согласования положений банкротного и исполнительного законодательства, а также интеграции информационных систем ФССП России и ЕФРСБ.

Литература

1. Фролов И. В. Потребность в формировании модели конкурсного иммунитета в сфере несостоятельности и банкротства граждан и ее достоинства по отношению к модели исполнительского иммунитета // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 56–63.
2. Скобелев В. П. Правовое регулирование мер по обеспечению исполнения исполнительного документа: еще раз о проблемах // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2023. Т. 13 № 2. С. 77–87.
3. Хабибулина Д. И. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве // Вестник исполнительного производства. 2022. № 4. С. 98–109.
4. Григоренко Ю. В., Гриб В. Г. Механизм реализации арестованного имущества: проблемы и перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. С. 203–207.
5. Цокур Е. Ф., Руденко А. С. Основные проблемы реструктуризации долга при банкротстве физических лиц в России // Юрист. 2022. № 5. С. 54–58.
6. Бармина О. Н., Кощеева Е. С. Проблемы реализации имущества при банкротстве граждан: по материалам судебной практики // Российский судья. 2023. № 2. С. 7–12.
7. Гурылева К. И. Злоупотребление правами при проведении торгов в рамках процедуры несостоятельности (банкротства): анализ судебной практики и практики ФАС России // Предпринимательское право. 2021. № 2. С. 54–64.
8. Фролов И. В. Конфликт интересов в делах о банкротстве: значение, виды, функции и правовые последствия // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6(97). С. 3–11.
9. Шеншин В. М., Зудин Д. С., Тиханова Ю. Ю. О некоторых проблемах развития института несостоятельности (банкротства) // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4(101). С. 52–62.

Conflicts between enforcement proceedings and personal bankruptcy procedures

Kiselev V.V.

Moscow University named after S.Yu. Witte

The article examines the interaction of the norms of bankruptcy and enforcement legislation through the mechanism of foreclosure on the debtor's property. The analysis focuses on situations in which individual foreclosure continues after the introduction of the property sale procedure, which leads to the redistribution of assets outside the established order. The author notes the moment of transition to the competitive procedure, which determines the limit of the permissibility of enforcement actions and the subsequent fate of the withheld funds, seized property and claims. The article focuses on changing the functional purpose of the enforcement document: it loses its importance as an independent basis for foreclosure and is used as a means of fixing a claim when it is included in the set of creditors' claims. The consequences of the non-synchronicity of the actions of the participants in the procedures are considered. The proposed clarification of regulation is related to the consolidation of the direct effect of the introduction of bankruptcy proceedings for enforcement proceedings and the differentiation of claims depending on their legal nature. The necessity of coordinating the actions of the participants and the introduction of automated information exchange mechanisms is substantiated, which make it possible to terminate individual recovery of claims subject to inclusion in the bankruptcy estate, while maintaining fulfillment of current obligations.

Keywords: enforcement proceedings, personal bankruptcy, bankruptcy estate, creditors' claims, enforcement of claims, financial administrator.

References

1. Frolov I. V. The need to form a model of competitive immunity in the field of insolvency and bankruptcy of citizens and its advantages in relation to the model of executive immunity // Business Law. 2021. No. 3. pp. 56-63.
2. Skobelev V. P. Legal regulation of measures to ensure the execution of the executive document: once again about the problems // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. 2023. Vol. 13 No. 2. pp. 77-87.
3. Khabibulina D. I. Property immunities in enforcement proceedings // Bulletin of enforcement proceedings. 2022. No. 4. pp. 98-109.
4. Grigorenko Yu. V., Grib V. G. The mechanism of realization of seized property: problems and prospects of development // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. No. 8. pp. 203-207.
5. Tsokur E. F., Rudenko A. S. The main problems of debt restructuring in the bankruptcy of individuals in Russia // Lawyer. 2022. № 5. pp. 54-58.
6. Barmina O. N., Kosheeva E. S. Problems of property sale in case of bankruptcy of citizens: based on judicial practice // The Russian judge. 2023. No. 2. pp. 7-12.
7. Guryleva K. I. Abuse of rights during bidding in the framework of the insolvency (bankruptcy) procedure: analysis of judicial practice and practice of the FAS of Russia // Business Law. 2021. No. 2. pp. 54-64.
8. Frolov I. V. Conflict of interests in bankruptcy cases: meaning, types, functions and legal consequences // Bulletin of Arbitration Practice. 2021. No. 6(97). pp. 3-11.
9. Shenshin V. M., Zudin D. S., Tikhanova Yu. Y. On some problems of the development of the institute of insolvency (bankruptcy) // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. No. 4(101). pp. 52-62.